



Научная статья

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-3-366-375

УДК 821.161.1

Роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: специфика вопроса о культурном герое

С.В. Морозов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

В статье ставится вопрос о культурных ориентирах героев романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Как известно, сюжет произведения происходит на сломе эпох, и для некоторых героев это становится стимулом к размышлениям об их культурном самоопределении. Их действия и модель поведения напрямую связаны с отношением к культурной действительности, описанной в произведении, а иногда даже направлены на ее трансформацию практическими, революционными методами. Определенная катализирующая роль по отношению к культуре является одним из критериев культурного героя. В этом аспекте проведен сравнительный анализ позиций Б.Л. Пастернака и А.А. Блока по отношению к революционным событиям 1917 года, их отражения в «Докторе Живаго» и поэме «Двенадцать». Исследован образ Юрия Живаго с точки зрения типа культурного героя – Подвижника. Дана характеристика образу Антипова (Стрельникова) как представителя типа культурного героя – Конкистадора. Установлено, что в основе подвижнической культурной позиции Живаго лежит верность вневременным идеалам, представление об эстетическом потенциале Личности в отношении действительности, тогда как действия Антипова (Стрельникова) направлены в сторону подавления индивидуального начала человека и в силу этого лишены подлинной созидательной составляющей, питающей культуру человечества.

Ключевые слова: Доктор Живаго; культурный герой; культурные ценности; социализм

Введение

Художественный мир романа «Доктор Живаго» вписан в особое пространство отечественной философской мысли. Его основу составляют думы и мечты представителей продвинутой интеллигенции, их ощущения и переживания в нелегкий исторический период. Герои романа остро воспринимают разрыв между исторической действительностью и детскими идеалами верно-

© Морозов С.В., 2019



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сти добру и искренности, составляющими лучшую часть русской культуры. Мир представляется им погруженным в хаос и перенаселенным пагубными предрассудками отжившей себя эпохи.

На сломе эпох решение вопроса о выборе культурных ориентиров обретает для героев жизненную необходимость. Как известно, в советской действительности для многих деятелей культуры это имело трагическую значимость. Борис Пастернак как один из виднейших представителей культурного слоя и Серебряного века, и первых послереволюционных десятилетий в своем творчестве не мог обойти стороной данную тему. Его герои в своей жизни осуществляют ту или иную культурную миссию, сообразуясь со своими убеждениями, пусть реальный практический эффект от их действий (или бездействия) в количественном отношении к народной массе иногда может быть равен нулю.

Культурно-просветительское начало в образе Юрия Живаго. Культурный герой – Подвижник

Символом хаоса в романе выступает снежная буря, которая будит Юру в ночь после похорон его матери: «Она свистела и завывала и всеми способами старалась привлечь Юрино внимание. <...> Вьюга была одна на свете, ничто с ней не соперничало» [6. Т. 4. С. 7]. В описании ее появления присутствуют религиозно-мистические мотивы: «Темная келья была сверхъестественно озарена белым порхающим светом» [6. Т. 4. С. 7]. Примечательно, что «первым движением Юры» было «желание одеться и бежать на улицу, чтобы что-то предпринять» [6. Т. 4. С. 7]. Безотчетное стремление героя действовать наперекор стихии вписывается в общелитературный сюжет противостояния светлых и темных сил. Монастырская келья служит маркером условной ситуации духовного подвижничества, традиционно формирующего вектор агиографической литературы. Не случайно Г. Гачев и И.В. Романова применяют к роману среди прочих такую жанровую номинацию как «житие» [5; 8]. В этом контексте с особой иронией воспринимается определение из пасквиля на присуждение писателю Нобелевской премии, опубликованного в «Литературной газете» в 1958 году: «Книга Пастернака – житие злобного обывателя, врага революции» [7. С. 2].

Исследователи не раз усматривали в образе метели в романе мотив, характерный для русской литературы еще с произведений Пушкина, подчеркивали ее роль как воплощения некоего хтонического начала, вносящего разлад в мирное существование героев [9]. Страшная, блоковская метель из «Двенадцати» застаёт доктора уже взрослым в феврале 1917 года, в Москве, в ночь революционного переворота. Переключки между обоими произведениями очевидны, и о них уже тоже писали. От себя добавим к сравнению лишь такую деталь: «*На одном из перекрестков <...> его обогнал пробежавший мимо мальчишка-газетчик с большой кипой свежотпечатанных оттисков под мышкой* (здесь и далее курсив наш. – С.М.).

– Не надо сдачи, – сказал доктор» [6. Т. 4. С. 192].

Реплика доктора неестественно звучит в контексте его жизни в революционной Москве, когда он и его семья бедствовали и должны были беречь каждую копейку. Автор тонко обыгрывает принадлежность Живаго к аристократическому слою общества, как сказали бы в советские времена – к буржуазно-социальному элементу. Живаго пытается читать газету на морозе под фонарем. Свет на газету падает сверху, к тому же на улице холодно, поэтому логично, что доктор должен скорее всего наклонить голову, как бы спрятать нос в ворот верхней одежды. При этом подчеркивается: «Метель хлестала в глаза доктору и покрывала печатные строчки газеты серой и шуршащей снежной крупой» [6. Т. 4. С. 7]. Параллель становится очевидной в сопоставлении со строчками из «Двенадцати»:

Ветер хлесткий!
 Не отстаёт и мороз!
 И буржуй на перекрестке
 В воротник упрятал нос [3. С. 7].

Блоковский «буржуй» принадлежит к старому миру, и ему отказано в праве создавать новый. Ирония Пастернака состоит в том, что его версия «буржуя» имеет самое отдаленное отношение к паразитирующим слоям общества. Герои Пастернака рыцарски гордятся своими лишениями, более того, их деятельность обладает высокой социальной значимостью. Зять Живаго, профессор Громеко – видный агроном. Сам же доктор остается среди тех немногих, кто не покидает службу в больнице, несмотря на ухудшение рабочих условий [6. Т. 4. С. 195]. Юрию Живаго, в отличие от блоковского «буржуя», доверено оправдать высокую культурную состоятельность своей эпохи перед лицом новых поколений. Занимая по отношению к революции наивно-восторженную позицию («Какая великолепная хирургия! Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы!» [6. Т. 4. С. 193]), называя ее «чудом» и «откровением», герой Пастернака сначала оказывается солидарен с Блоком, который встретил ее не менее оптимистично. Тем не менее вскоре Живаго меняет свою точку зрения на противоположную.

Как известно, автор будущего романа в 1920-е годы пытался принять революцию, создать революционный эпос, не наступив «на горло собственной песне», однако социализм, в который он верил, был еще большей утопией, чем тот, в который верили остальные. Пастернак называл его социализмом безо всяких кавычек, то есть не только равным и всеобщим для всех, но и в такой степени претворенным в реальность, что его действие было бы сродни действию нравственного закона внутри человека. Как можно заключить из его письма М. Цветаевой от 23–24 февраля 1926 года, все неудачные попытки своего времени приблизить этот социализм и демагогические выступления по этому поводу писатель трактовал как «стилизационные штампы», которые мешают воспринять богатство «непредвосхитимого нравственного содержания» социализма [6. Т. 7. С. 603]. Здесь же, возможно, прямо полемизируя с Блоком, он заявил: «Наше время <...> не скифская сказка, не точка приложения красной мифологии» [6. Т. 7. С. 603]. Социализм безо всяких кавычек – это то же самое, что в искусстве понимается как «поверх барьеров», в силу

чего Шекспира и Гете одинаково воспринимают в качестве «своих» авторов и романтики, и символисты [Т6. Т. 7. С. 654].

Поэтому в романе Живаго, признавая красоту мыслей Ливерия «об отношении воина народной армии к товарищам, к слабым, к беззащитным, к женщине, к идее чистоты и чести», тем не менее заявляет: «во-первых, идеи общего совершенствования так, как они стали пониматься с октября, меня не воспаляют. Во-вторых, это все еще далеко от осуществления, а за одни еще толки об этом заплачено такими морями крови, что, пожалуй, цель не оправдывает средства» [6. Т. 4. С. 336].

Предрасположенность масс к лозунгам и демагогии, потеря отдельным индивидом собственного голоса становятся самыми отрицательными последствиями наступившего времени. Безволие общества приводит к социальной катастрофе, к катастрофе культурной, когда накопленный за века духовный опыт грозит исчезнуть в небытие, а его место занимает спущенная сверху директива. В этой ситуации человек, сохраняющий верность уходящей культуре и сопротивляющийся диктату обстоятельств, подобен герою. Более того, его подвиг, или, вернее сказать, подвижничество (потому что подвиг – это нечто единичное, а подвижничество – это уже жизненный путь) имеет огромное культурное и просветительское значение для нескольких поколений людей.

В мировом эпосе и литературе эта роль закреплена за определенным персонажем – культурным героем. Некоторые его черты прослеживаются в образе Юрия Живаго. Например, С.С. Березовская, выделяя тип культурного героя «герой-подвижник», называет его универсальной характеристикой «тягу к путешествиям» [1. С. 69]. Он практически всегда изображается в пути. Юра Живаго с детства оказывается подвержен скитаниям. До смерти матери «...в беспорядке и среди постоянных загадок прошла детская жизнь Юры, часто на руках у чужих, которые все время менялись» [6. Т. 4. С. 8]. Перед тем, как оказаться в доме у Громеко, Юра сначала находится на попечении у дяди, сопровождая его в разъездах, а затем – у дальнего родственника. Жизнь Живаго у Громеко изображается скупой, несколькими мазками, а те эпизоды, в которых непосредственно изображается герой, преимущественно происходят в чужих домах или в дороге. Детское желание «прокатиться <...> ночью по морозу» [6. Т. 4. С. 58] приводит героя к Гишарам, где Юра впервые встречается Лару. Вторая встреча с ней также происходит после поездки по морозной Москве, в ходе которой его посещают важные мысли о Блоке как явлении Рождества, а также заветные строчки «Свеча горела на столе. Свеча горела...» [6. Т. 4. С. 82].

Спокойный ход жизни героя в Москве нарушает война. Примечательна характеристика, которую дает его отсутствию дома дворник Маркел: «...покамест ты там *богатырствовал*...» [6. Т. 4. С. 167]. Интересно, что С.С. Березовская приводит в качестве примера героя-подвижника Илью Муромца [1. С. 69]. Прожив три года в Москве, герой снимается в путь. Недолго пробыв в Варыкино, Живаго на три года попадает в плен к партизанам. Перед прощанием с Ларой он разговаривает с Комаровским, который говорит ему:

«Вы мужчина, вы – вольный казак, или как это там называется. Сумасбродствовать, играть своею жизнью ваше священное право» [6. Т. 4. С. 418].

Образ всадника, искателя приключений, иронически навязанный Живаго персонажами – проводниками житейского, преуспевающего взгляда на жизнь, получает неожиданное разрешение в стихах героя, а именно в «Сказке», где идет речь о «конном», спасающем от «змея» «пленницу-красу». А.С. Власов восстанавливает сюжетную предысторию этого стихотворения и связывает его возникновение с волками, которые окружают дом героев в Варыкино, проводя неожиданную параллель с образом Георгия Победоносца: «Георгий в славянских поверьях – еще и повелитель волков, защищающий от них людей и домашних животных» [4. С. 273]. Исследователь также отмечает, что в созданном здесь Живаго лирическом образе «отражается подлинная, богатая событиями духовная биография пастернаковского героя-протагониста, осознавшего свое предназначение и противостоящего року» [4. С. 273].

Рок, судьба – ключевые понятия в биографии героя-подвижника. Неизбежность является главным и, по существу, единственным его настоящим противником: «зная о возможности *“полной гибели всерьез”*, он не пытается избежать того, что *“написано на роду”*, но стремится стяжать посмертную славу» [1. С. 70]. Показательно, что С.С. Березовская в данном случае иллюстрирует свою мысль строчкой из стихотворения Пастернака 1932 года «О, знал бы я, что так бывает...» [6. Т. 2. С. 80], которое образно и тематически перекликается с «Гамлетом», открывающим тетрадь Юрия Живаго: «Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути» [6. Т. 4. С. 515]. Лирический герой «Гефсиманского сада», завершающего тетрадь стихотворений Живаго, также заявляет о готовности принять свою тяжкую ношу: «Ты видишь, ход веков подобен притче / И может загореться на ходу. / Во имя страшного ее величия / Я в добровольных муках в гроб сойду» [6. Т. 4. С. 548].

Пафос теоретизирующего сознания в образе Антипова (Стрельникова). Культурный герой – Конкистадор

Подвижник представляет собой одну из стадий развития культурного героя. Он имеет прежде всего концептуальное, идейное значение, характеризует развитие понятия культурного героя как универсалии, находящейся в фокусе пересечения искусствоведения, филологии и культурологии, и является мостиком от Трикстера к Сверхчеловеку – от мифологического образа к некоей «бихевиористской метафоре» [1. С. 68]. Однако С.С. Березовская рассматривает культурного героя и с другой точки зрения – как маркер того или иного типа развития умственной жизни социума. Если Трикстер в этой парадигме формируется на основе опытного мышления, оперирующего эмпирическими фактами, то другой тип – Конкистадор – принадлежит к теоретизирующему сознанию. В образе Конкистадора получило развитие представление о руководящей роли разума в жизни людей. Это антипод хаоса и бескультурия в умах людей. Если благая функция Трикстера осуществляется в результате случай-

ности или проделки, то в основе действий Конкистадора лежит четкая мотивация, установка «подарить людям жизнь на лучших началах» [2. С. 77].

Тем же мотивам подчинена жизнь другого персонажа «Доктора Живаго» – Антипова (Стрельникова): «Стрельников с малых лет стремился к самому высокому и светлому. Он считал жизнь огромным ристалищем, на котором, честно соблюдая правила, люди состязаются в достижении совершенства» [6. Т. 4. С. 251]. Как считает исследовательница, в случае Конкистадора «отправной точкой, своеобразным поводом для приключения становится абстрактная цель, которую рыцарь намечает для себя, а именно отыскать то, чего найти нельзя, или одолеть того, кого одолеть трудно (невозможно)» [2. С. 79]. Так и Стрельникову «не пришло в голову, что он не прав, упрощая миропорядок. <...> Он стал лелеять мысль стать когда-нибудь судьей между жизнью и коверкающими ее темными началами, выйти на ее защиту и отомстить за нее» [6. Т. 4. С. 251]. Подобная абстрактность, неразборчивость в целях наблюдается и в действиях Конного из стихотворения «Сказка». В начале стихотворения он «спешил на сечу» [6. Т. 4. С. 528], что совсем не помешало ему свернуть с пути и ринуться на совершение подвига.

Антипов (Стрельников) интеллектуально одарен: «Сын простого стрелочника или железнодорожного сторожа, он одною своей одаренностью и упорством труда достиг... вершин современного университетского знания по двум специальностям, математической и гуманитарной» [6. Т. 4. С. 399]. Как отмечает С.С. Березовская, «в Новое время Конкистадор заметно преуспевает на интеллектуальном поприще. Он начинает с самопознания, а затем обращается к постижению природы и социума» [2. С. 80]. При этом результаты его интеллектуальной деятельности «закрепляются в социально-утопических проектах, направленных на государственное переустройство или усовершенствование политического режима» [2. С. 80]. Социальную утопию претворяет в жизнь и Стрельников, отдавая не только собственное время, но и свою биографию делу революции. Однако мотивы, которыми он руководствуется, носят не только общественный, но и личный характер. Проявляя нечеловеческую силу воли, он продолжает скучать по оставленной им семье и мечтает вернуться к ним, как только завершит начатое: «А вдруг жена и дочь до сих пор там? Вот бы к ним! Сейчас, сию минуту! Да, но разве это мыслимо? Это ведь из совсем другой жизни. Надо сначала кончить эту, новую, прежде чем вернуться к той, прерванной» [6. Т. 4. С. 252]. Это же понимает и Лара, говоря: «Ему надо все эти военные лавры к нашим ногам положить, чтобы не с пустыми руками вернуться, а во всей славе, победителем! Обессмертить, ослепить нас! Как ребенок!» [6. Т. 4. С. 301]. В образе Конкистадора наблюдаются те же черты, вследствие чего он «каждый раз, как бы далеко ни уходил <...> триумфально возвращается к родным пенатам, к своей Прекрасной Даме, правда, собравшись с силами, рыцарь оставляет семейный очаг <...> ради очередной авантюры» [2. С. 79].

Антипов (Стрельников) описывается как уверенный, волевой человек, четко осознающий свою правоту. Это персонаж деятельного типа, решения

которого рассчитаны на большой исторический резонанс. В соответствии с этим он и строит свою деятельность в качестве революционного комиссара, насаждая искусственный рай на земле и эффективно проводя в жизнь политику «великолепной хирургии». Осознавая это, он высмеивает внешнюю непричастность Живаго к настоящим событиям, нежелание доктора участвовать в них: «Сейчас Страшный суд на земле, милостивый государь, существа из Апокалипсиса с мечами и крылатые звери, а не вполне сочувствующие и лояльные доктора» [6. Т. 4. С. 251]. Деятельностный пафос в итоге заводит Антипова (Стрельникова) в тупик: лучшая жизнь, которую он творил, оказывается для него лишена смысла, более того, он сам оказывается ей не нужен.

Таким образом, стройность теории и торжество разума, которые отстаивает Конкистадор, в «Докторе Живаго» оказываются не главными критериями культурного развития общества. Их значение безусловно важно, но эффективность они имеют только при условии свободного индивидуального выбора каждого. Человек должен постигнуть определенную логику, а не слепо проводить ее в жизнь, не считаясь с законами естественности и простоты. В искренности и неподдельности Пастернак видел подлинные свидетельства непорочности эстетического восприятия, а значит лиричности и силы производимого Художником, Личностью действия. Так, в письме Е.А. Благиной от 16 декабря 1957 года писатель, имея в виду «Доктора Живаго», выражает радость, «что по слепой игре судьбы мне посчастливилось высказаться полностью, и то самое, чем мы так привыкли жертвовать и что есть самое лучшее в нас, художник, оказался в моем случае незатертым и нерастоптанным» [6. Т. 10. С. 289]. А.В. Шевякова напрямую связывает «отказ человека от собственной воли» и «отказ от свободы эстетического восприятия», в результате которых «культура в условиях массового сознания становится заложницей форматов» [15. С. 36]. По мысли исследовательницы, «культурный герой оказывается довольно активным участником творения социальной реальности, так как продуцируемые через культурного героя ценности могут оказывать серьезное мобилизационное воздействие на массы» [15. С. 33]. Л. Флейшман приписывает аналогичный эффект Пастернаку: «творчество Пастернака в целом и в особенности его роман, обстоятельства его создания и завоевания им пути к читателю – стали ферментом развития общественного самосознания» [14. С. 60].

Заключение

Культурный герой Пастернака исполняет свое предназначение в ситуации вынужденного существования в действительности, потерявшей культурные ориентиры. В характерной ситуации «промежутка» он остается верен не столько лучшим идеалам уходящей эпохи, сколько идеалам вневременным и в силу этого по-настоящему революционным на любом этапе исторического развития. Отечественные писатели, поэты, философы XIX – начала XX веков в своем творчестве затронули множество различных вопросов, но объединяющим для них всех было представление о высоте и силе человеческого

духа, его эстетическом потенциале в отношении действительности и глубине постижения жизни. Пастернак, как и многие другие его современники, формировался под воздействием этих идей. Революция и последовавшие за ней события оказались созвучны им только по величине притязаний, но вовсе не по соразмерности желаемого и действительного. В этом и состояла культурная трагедия новой, советской эпохи. Не случайно А.Ф. Лосев, узнав о смерти Пастернака, заплакал со словами о том, что нельзя и представить, «какая погибла Россия, какая погибла эпоха, какая была тогда жизнь, какой она должна была бы стать, какие погибли люди» [13].

Список литературы

- [1] *Березовская С.С.* Концепт Культурного героя как универсалия культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 338. С. 68–71.
- [2] *Березовская С.С.* Культурный герой: динамика развития // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 387. С. 75–83.
- [3] *Блок А.А.* Полное собрание сочинений: в 20 т. Т. 5. М.: Наука, 1999.
- [4] *Власов А.С.* Предвестие свободы (о стихотворении Б. Пастернака «Сказка» в контексте романа «Доктор Живаго») // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. науч. статей. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2009. С. 270–275.
- [5] «Доктор Живаго» вчера и сегодня: круглый стол Литературной газеты // С разных точек зрения: «Доктор Живаго» Б. Пастернака / сост. Л.В. Бахнов, Л.Б. Воронин. М.: Советский писатель, 1990. С. 265–283.
- [6] *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово/Slovo, 2003–2005.
- [7] Провокационная вылазка международной реакции // Литературная газета. 1958. 25 октября.
- [8] *Романова И.В.* Семантическая структура «Стихотворений Юрия Живаго» в контексте романа и лирики Б. Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск: СГПИ, 1997. 275 с.
- [9] *Скорospelова Е.Б., Чаглыян Ш.К.* Семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4–2 (58). С. 41–44.
- [10] *Тахо-Годи Е.А.* «И образ мира, в слове явленный...» («слово» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго») // Портал «Слово». URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37199.php?ELEMENT_ID=37199 (дата обращения: 04.08.2018).
- [11] *Флейшман Л.* Свободная субъективность // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 1. М.: Слово/Slovo, 2003. С. 5–60.
- [12] *Шевякова А.В.* Культурный герой и трикстер: функциональные и онтологические сходства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 1 (21). С. 32–42.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22 сентября 2019

Дата принятия к печати: 04 октября 2019

Для цитирования:

Морозов С.В. Роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: специфика вопроса о культурном герое // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературо-

ведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 366–375. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-366-375>

Сведения об авторе:

Морозов Сергей Викторович, выпускник аспирантуры филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. *Контактная информация*: e-mail: frosttt_78@mail.ru

Research article

**Novel “Doctor Zhivago” by B.L. Pasternak:
the specifics of the issue of the cultural hero**

Sergey V. Morozov

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

The article raises the question of the cultural landmarks of the heroes of the novel B.L. Pasternak “Doctor Zhivago”. As is known, the plot of the work takes place at the turn of the eras, and for some heroes this becomes an incentive to think about their cultural self-determination. Their actions and behavior model are directly related to the attitude to cultural reality described in the work, and sometimes even aimed at its transformation by practical, revolutionary methods. A certain catalytic role in relation to culture is one of the criteria of a cultural hero. From this point of view, a comparative analysis of the positions of B.L. Pasternak and A.A. Blok in relation to the revolutionary events of 1917, their reflection in “Doctor Zhivago” and in the poem “Twelve” is carried out. The image of Yuri Zhivago is investigated from the point of view of the type of cultural hero – the Ascetic. The characteristic is given to the image of Antipov (Strelnikov) as a representative of the type of cultural hero – Conquistador. It has been established that Zhivago’s ascetic cultural position is based on loyalty to timeless ideals, an idea of the aesthetic potential of the Personality in relation to reality, while Antipov’s (Strelnikov) actions are aimed at suppressing the individual human principle and, therefore, are devoid of a genuine creative component that nourishes the culture of mankind.

Keywords: Doctor Zhivago; cultural hero; cultural values; socialism

References

- [1] Berezovskaya S.S. Koncept Kul’turnogo geroya kak universaliiya kul’tury [The concept of the Cultural Hero as a universal of culture] // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 2010. No. 338. Pp. 68–71.
- [2] Berezovskaya S.S. Kul’turnyj geroy: dinamika razvitiya [Cultural hero: dynamics of development] // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 2014. No. 387. Pp. 75–83.
- [3] Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij: v 20 t. T. 5* [Complete works: in 20 vols. Vol. 5]. Moscow: Nauka Publ., 1999.
- [4] Vlasov A.S. Predvestie svobody (o stihotvorenii B. Pasternaka “Skazka” v kontekste romana “Doktor Zhivago”) [A harbinger of freedom (on B. Pasternak’s poem “Tale” in

- the context of the novel “Doctor Zhivago”) // *Duhovno-nravstvennyye osnovy russkoj literatury: sb. nauch. statej*. Kostroma: KGU imeni N.A. Nekrasova, 2009. Pp. 270–275.
- [5] “Doktor Zhivago” vchera i segodnya: kruglyj stol Literaturnoj gazety [“Doctor Zhivago” yesterday and today: round table of Literary newspaper] // *S raznyh toček zreniya: “Doktor Zhivago” B. Pasternaka / sost. L.V. Bahnov, L.B. Voronin*. Moscow: Sovetskij pisatel’, 1990. Pp. 265–283.
- [6] Pasternak B.L. *Poln. sobr. soch.: v 11 t.* [Complete works: in 11 vols]. Moscow: Slovo Publ., 2003–2005.
- [7] Provokacionnaya vylazka mezhdunarodnoj reakcii [A provocative sortie of international reaction] // *Literaturnaya gazeta*. 1958. 25 oktyabrya.
- [8] Romanova I.V. Semanticheskaya struktura “Stihotvorenij Yuriya Zhivago” v kontekste romana i liriki B. Pasternaka [The semantic structure of “Poems by Yuri Zhivago” in the context of the novel and lyrics of B. Pasternak]: dis. ... cand. philol. sciences. Smolensk: SGPI Publ., 1997. 275 s.
- [9] Skorospelova E.B., Chaglyyan Sh.K. Semantika i funkcii motiva meteli v romane B. Pasternaka “Doktor Zhivago” [Semantics and functions of the blizzard motive in B. Pasternak’s novel “Doctor Zhivago”] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 4–2 (58). Pp. 41–44.
- [10] Taho-Godi E.A. “I obraz mira, v slove yavlennyj...” (“slovo” v romane B.L. Pasternaka “Doktor Zhivago”) [“And the image of the world revealed in the word...” (“word” in the novel by B.L. Pasternak “Doctor Zhivago”)] // *Portal “Slovo”*. https://www.portal-slovo.ru/philology/37199.php?ELEMENT_ID=37199 (accessed: 04.08.2018).
- [11] Flejshman L. Svobodnaya sub”ektivnost’ [Free subjectivity] // Pasternak B.L. *Poln. sobr. soch.: v 11 t. T. I.* Moscow: Slovo Publ., 2003. Pp. 5–60.
- [12] Shevyakova A.V. Kul’turnyj geroj i trikster: funkcional’nye i ontologicheskie skhodstva [Cultural hero and trickster: functional and ontological similarities] // *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*. 2015. No. 1(21). Pp. 32–42.

Article history:

Received: 22 September 2019

Revised: 25 September 2019

Accepted: 04 October 2019

For citation:

Morozov S.V. (2019). Novel “Doctor Zhivago” by B.L. Pasternak: the specifics of the issue of the cultural hero. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(3), 366–375. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-3-366-375>

Bio note:

Sergey V. Morozov, postgraduate student of Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. *Contacts*: e-mail: frosttt_78@mail.ru